
УДК 81 : 39
ББК 81. 001. 2
Ш 61

Шимко Е.А.

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры филологии и педагогики Мичуринского государственного аграрного университета, e- mail: Shimko_maksim@mail.ru

**Сопоставительная характеристика номинаций кровного родства
по женской линии в немецком
и русском языках с позиций этнолингвистики
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается лексическое значение номинаций кровного родства по женской линии в немецком и русском языках в рамках сопоставительного подхода к языку с позиций этнолингвистики. Исследуется объяснение слова с точки зрения лингвистического и сопровождающего его историко-культурологического аспектов. Данный подход позволяет рассмотреть толкование значений лексем, выражающих специфику этноса.

Ключевые слова:

Номинации, кровное родство, женская линия, немецкий и русский языки, этнолингвистика, сопоставительный анализ.

Shimko E.A.

Candidate of Philology, Senior Lecturer of Philology and Pedagogy Department, the Michurinsky State Agrarian University, e- mail: Shimko_maksim@mail.ru

**The comparative characteristic of consanguinity nominations through
the female line in the German and Russian languages
in terms of ethnolinguistics**

Abstract:

The paper addresses the study of lexical meaning of consanguinity nominations through the female line in the German and Russian languages within the limits of the comparative approach to a language from ethnolinguistics positions. The work examines the explanation of a word from the linguistic point of view and historical and culturological aspects accompanying it. This approach enables us to consider interpretation of meanings of the lexemes expressing specificity of ethnos.

Keywords:

Nominations, consanguinity, a female line, the German and Russian languages, ethnolinguistics, the comparative analysis.

В последние годы определяет свой статус такая научная дисциплина как этнолингвистика, которая рассматривает исторические данные как языковое культурное наследие, присутствующее в современном языке. Ее задачей является «субъектная» реконструкция культуры и изучение менталитета ее носителей, их способов концептуализации мира, запечатленных в языке. Поэтому при сопоставлении лексического состава языков следует уделять внимание взаимосвязи языка и этнической идентичности.

Мы считаем необходимым рассмотрение понятий «этнический язык», «родной язык», «второй язык». Данные понятия могут совпадать либо нести разную смысловую нагрузку в каждом отдельном случае. «Этнический язык» - язык этноса, являющийся его признаком, как правило, он продукт данного этноса [1: 135]. Этнический язык создает основу внутриэтнического единства, он обслуживает коммуникацию во всем этносе и обеспечивает социальное взаимодействие и социально-экономические отношения между всеми его членами.

«Родной язык» - тот, на котором формируются первичные навыки речевого взаимодействия. Это, как правило, язык матери, бабушки, семьи. Именно на этом языке осуществляется первая социализация личности, ознакомление с ценностями, традициями социально-этнической среды своего народа. В большинстве случаев «родной язык» совпадает с этническим языком.

«Второй язык» обычно используется в полиэтнических общностях как средство общения с другими этническими общностями.

Таким образом, возможность противопоставлять этнические общности с одним языком общностям с другими языками указывает на сохранение за языком этнодифференцирующих свойств.

Однако современная лингвистика не только уделяет внимание решению

проблем, связанных с функциями языка в человеческом обществе, но и определяет центральное место этнографической семантики при сопоставительном анализе.

Этнографическая семантика занимается исследованием и описанием содержательной стороны языка, исходя из специфики средств выражения, обусловленной как системой самого языка, так и различием материального опыта народов, носителей языка, уровнем их культурно-исторического развития, спецификой мироощущения.

Слово как основная единица языка в качестве своей содержательной стороны имеет лексическое значение, которое понимается как нежестко заданная область его предметной соотнесенности. Через лексическое значение слово соотносится с понятием, являющимся одной из единиц системы знания, формирующегося в интеллекте. Это знание образует базу, на основании которой мы конструируем значение слова и судим о его осмысленности.

Обратимся к сопоставительному анализу терминов кровного родства по женской линии: мать, дочь, внучка, правнучка – нисходящая линия; бабушка, прабабушка – восходящая линия в немецком и русском языках с позиций этнолингвистики.

Лексема «мать» в русском языке имеет следующую этимологию: старославянский *МАТИ*, древнесербский *мати*, русский *мать*, украинский *matir*, *мати*, белорусский *маці*, *матка*, польский *matka*, *macierz*, нижнелужицкий *maś*, словенский *mati*. Древнерусский *мама*, *мамъка* «кормилица», *мамка*, *няня*, русский *мама*, диалектный *мамушка* «мать» при *маменька* «свекровь», верхнелужицкий *zamata* «посаженная мать на свадьбе». Это слово родственно литовскому – *motina* «мать», древнеиндийскому – *mātā*, авестийскому – *mātar*, новоперсидскому – *mādar*, армянскому – *mair*, латинскому – *māter* «мать», ирландскому – *Māthir* «мать», древневерхненемецкому – *muoter*. В основе ле-

жит слово *ma из детской речи. Новообразованием является матика «самка зверя или птицы» [2: 583 - 584].

Относительно широко распространено в индоевропейских языках название матери от корня *nan-, *nana-, *ann-, который встречается также в роли названия отца. Эти образования представляют совершенно аналогичные в структурном отношении словообразовательные типы: «папа», простая форма an-. Это важно для обоснования связи форм *папа, *an(n)a между собой. Очевидная аналогичность структуры словообразовательных типов от обоих корней (папа, an(n)a: тама, an(m)a объясняется близостью условий их употребления. Отсюда – тождественное выражение экспрессивности, которая издавна характеризует эти образования: удвоение согласных, удлинение гласных. Существенная разница между этими двумя экспрессивными названиями матери состоит в том, что в отличие от *тама, связанного с *mater, индоевропейские *nana, *nan(n)a, *an(n)a стоят в известном смысле особняком среди прочих названий матери. Но они, в свою очередь, связаны с рядом других индоевропейских терминов родства, сравните nan в значении «отец».

Данное этимологическое значение и форма слова доносят современникам три характерных категориальных семантических параметра: 1) «лицо женского пола, женщина», 2) «дающая начало, рождающая» и 3) «неразрывная связь матери и ребенка», которые обнаруживаются в семантической структуре лексемы «мать».

Однако в современном русском языке, в общезыковом употреблении содержание слова «мать» не ограничивается тремя названными выше признаками. Толковые словари фиксируют несколько значений этого слова: «1. Женщина по отношению к своим детям... Женщина, имеющая детей... 2. Самка по отношению к своим детенышам. 3. Обращение к пожилой женщине. 4. То, что является источником, давшим жизнь кому, чему-ни-

будь. 5. Обращение, присоединяемое к имени или званию монахини» [3: 433].

В немецком языке слово die Mutter служило для обозначения родства: средневерхненемецкий *muoter*, нидерландский *moeder*, английский *mother*, шведский *moder*, основывается на соответствии с индоевропейским *māter «Mutter», сравните: древнеиндийский *māter «мать», греческий *mītēr* «мать», латинский *mater* «мать», матрикс «животное женской особи, матрица». Старое индоевропейское имя, обозначающее родство, образовано суффиксом *er*, что соответствует «детскому лепету». В переносном смысле слово die Mutter означает вещи, которые связаны подолом матери или восприятию матери, как родившей женщины, например: в горном деле: die Mutter может обозначать «пещеру, где добываются камни», а в технике «гайку» [4: 497].

В современном немецком языке номинация die Mutter имеет следующие значения: 1) женщина, которая родила и воспитала одного или нескольких детей; 2) самка; 3) в технике: матрица [5:1179].

Таким образом, лексемы «мать» и «die Mutter» имеют общие значения - «женщина по отношению к своим детям», «самка».

Рассмотрим отличительные особенности данных лексем. В немецком языке лексема «die Mutter» обозначает технический термин «матрица», «гайка», а лексема «мать» употребляется в качестве обращения к пожилой женщине, обращения, присоединяемого к имени или званию монахини; служит обозначением источника, давшего жизнь кому-, чему-нибудь.

Название дочери во всех славянских языках без исключения восходит к общеславянскому *ДЪШТИ*, древнерусскому *дочи* (из*дъчи), украинскому *доч*, болгарскому *дъщеря*, сербохорватскому *knū*, словенскому *hč*, польскому *cora*, чешскому *dcera*. Родственно литовскому *dukt* «дочь», *podukra* [2: 533].

Фонетическая история славянского *dъkti детально изучена исследовате-

лями. Оно восходит к индоевропейскому *dhughātēr, которое является одним из древнейших терминов родства индоевропейского языка, такой же основой на –г, как *pātēr, *mātēr. Характерная особенность индоевропейского названия дочери состоит в том, что оно широко распространено в индоевропейских языках и всюду в точности соответствует названной общиндоевропейской фонетической форме, не обнаруживая серьезных отклонений в значении. Родственные славянскому *dъkti формы в других индоевропейских языках: санскрит *duhitā*, авестийский *dugdar-*, армянский *dustr*, готский *dauhtar*. Итальянские и кельтские языки утратили древнее название дочери, сравните его замену в латинском *filia* ж.р. к *filius* «сын».

Вальде и Покорный считают, что в *dhughātēr имеется тот же заднеязычный, что и в индоевропейском *eg(h)om «я», не придавая значения тому, что в последнем – ĝh палатальное (сравните старославянский азъ, литовский аš), в то время как величественность gh в *dhughātēr не оставляет сомнений, иначе необъяснимы славянский, балтийский k (из *g) в славянский dъkti, литовский duktė [6: 868].

Для вокализма индоевропейского *dhughātēr характерно наличие гласного э в срединном слоге. А. Мейе, наиболее обстоятельно занимавшийся этим вопросом, обращает внимание на падение срединного э в слове *dhughātēr как на важный индоевропейский диалектный факт, свойственный иранскому, славянскому, балтийскому, германскому, армянскому, важный также по своим последствиям в области интонации. Падение э не является новшеством славянского, а объединяет его с рядом близких индоевропейских диалектов [7: 63].

Индоевропейский *dhughātēr, будучи древней основой на –г, утратило этот характерный конечный согласный в отдельных индоевропейских диалектах, сравните литовский duktė, славянский *dъkti. Вопрос об относительном возрасте этого явления представляется, однако,

спорным. С одной стороны, известна точка зрения, рассматривающая это отпадение как древний факт, свойственный ряду близких индоевропейских диалектов.

Так понимает А. Вайан историю основы *mātēr > *mātē, исходя из свидетельства санскрита, балтийского, славянского. Мейе видит в отпадении конечного согласного литовского duktė упрощение особого рода дифтонга (и.-е. -er) – явление, восходящее к индоевропейскому языку [8: 187]. С другой стороны, по мнению Куриловича, отсутствие сокращения конечного гласного в открытом слоге литовского duktė, акту указывает на сохранение конечных -г, -п вплоть до самой балто-славянской эпохи [9: 245].

Славянский, как полагают, сохранил старое ударение индоевропейского *dhughātēr, сравните словенский hčī, сербский khû [10: 120]. В русском, в отличие от других случаев, в результате местных изменений старое положение затемнено: дочь, дочери, дочерь.

Забвению старой основы на –г обязана своим образованием новая парадигма склонения литовского duktė в говорах: duktė, duktės, по аналогии употребительным -e- основам женского рода. Аналогичное разрушение старой формы приводит к возникновению новых суффиксальных производных от усеченной основы: русский (ласкательное) *дóчка*, украинский *дóчка́*, сравните польский *matka*. Такие слова часто носят характер сокращенных ласкательных названий: украинский *дóня* (есть у Шевченко), интимно-просторечное украинское *дóця* «дочка, доченька».

Прочие славянские названия дочери: чешский диалектный *naše holka* – обращение родителей к дочери с переносом значения «девушка > дочь»; болгарский диалектный *do čupite*. На последнем слове стоит задержаться несколько подробнее. Форма *čupa*, *чупа* «дочь» отмечается как характерная, в первую очередь, для македонского языка. По нашему мнению, эта форма связана с польским диа-

лектом *dziopa* «девочка, девушка, дочь», известным всему польскому Подкарпаты и даже северной части Южной Малопольши. Сюда можно отнести западно-украинский *дзюба* «девушка». Этимология слов неясна. Возможно, это заимствование, источник которого указан К. Сандфельдом [11: 68]. Датский ученый определенно считает болгаро-македонский *чупа* заимствованным из албанского *tshup(r)* ě. Правда, Г. Майер объяснял албанское слово заимствованием из сербского, сравните сербский *чупа* «пучок волос», чупа «женщина с непричесанными волосами» [12: 450]. Но между сербским и албанскими словами имеются существенные семантические расхождения, которые делают заимствование маловероятным: албанский *çirë* значит «девушка, дочь», в то время как в сербском отмечается упомянутое узкое значение. Кроме албанского *çirë*, сравните в албанском наличие слова *çup* «мальчик, подросток, сын». Мы приходим к предположению о происхождении также украинского и польского слов из албанского языка. Заимствование могло осуществиться, очевидно, тем же путем, каким проникли в украинский, словацкий и польский языки другие балканские элементы - через посредство подвижного пастушеского населения Балкан и Карпат. Для ряда таких слов исходные формы найдены в албанском, сравните, например, брынза «овечий сыр», барза «белая овца». Следует отметить, что эта международная балканская лексика, распространенная пастушескими племенами, отнюдь не ограничивается терминами скотоводческого быта, как обычно думают. В реальной обстановке заимствовались, вероятно, также бытовые слова.

В современном русском языке лексема «дочь» означает лицо женского пола по отношению к своим родителям [3: 200].

Лексема «die Tochter» обозначает родство: средневерхненемецкий *tochter*, готский *dauhtar*, английский *daughter*,

шведский *dotter*; берет начало из индоевропейской основы *dhug[g]ər- «дочь». Сравните: древнеиндийский *duhitār*, греческий *thygatēr*. По своему словообразованию идентична лексеме «die Mutter» и имеет следующие «das Mädchen»- «девочка, девушка, служанка»; «das Fräulein» - «барышня, девица»; «das Angestellte» - «служащая» [4: 746].

Современное значение лексемы «die Tochter»: 1) лицо женского пола по отношению к своим родителям; 2) лица женского пола, младшие по возрасту; 3) устар.: взрослая, незамужняя девушка, женщина; служащая в гостинице или женщина, занимающаяся домашним хозяйством [5: 1685].

Проанализировав лексемы «дочь» и «die Tochter», мы пришли к выводу, что они имеют общее значение - лицо женского пола по отношению к своим родителям. А различие данных лексем проявляется в том, что в немецком языке лексема «die Tochter» употребляется в значениях «лицо женского пола, младшее по возрасту; устарелое: взрослая, незамужняя девушка, женщина; служащая в гостинице или женщина, занимающаяся домашним хозяйством».

Сопоставим лексические единицы «внучка» и «die Enkelin».

Отметим, что в русском языке лексема «внучка» образована от лексемы «внук» с помощью суффикса «-чка»: украинский *онук*, древнерусский *вънукъ*, болгарский *внук*, *мнук*, словенский *vnuk*, польский *wnuk*, чешский *vnuk*, верхнелужицкий *wnuk*. Литовское *anūkas* «внук» заимствован из славянского, древневерхненемецкий *enencheli* как уменьшительное от древневерхненемецкого апо «предок», апа «бабка», латинский *anus* «старуха», литовский *anyta* «свекровь». С этим древним словом детского языка славянское *вънукъ*, возможно, связано как ступень редукции *ъп [2: 351].

Современное значение лексемы «внучка»- дочь сына или дочери [3: 87].

В немецком языке лексема «die Enkelin» образована от лексемы «der

Enkel» с помощью суффикса *in* и указывает на лицо женского пола в значении «ребенок ребенка». Лексема «*der Enkel*» в средневерхненемецком имела значение «возрожденный дед, которому передается имя, сила и счастье предков» [4: 157].

В современном немецком языке лексема «*die Enkelin*» употребляется в значении: дочь сына или дочери; потомки по женской линии [5: 492].

Итак, сходство лексем «внучка» и «*die Enkelin*» наблюдается в дефиниции «дочь сына или дочери», а отличие - в немецком языке лексема «*die Enkelin*» имеет значение «потомки по женской линии». Обратимся к сопоставительному анализу лексем «бабушка» и «*die Grossmutter*» («*die Oma*»).

Русская лексема «бабушка» имеет следующее этимологическое происхождение: славянский – *baba*; древнерусский – баба «женщина замужняя», «мать отца или матери», «повивальная бабка», «ворожея», русский – *баба*, *бабка*; украинский – *баба* «баба», «бабка, бабушка»; польский – *baba* «баба, жена», *babka* «бабка, бабушка»; древнепольский – *babak* «дед, старик», *baba* «бабка, старуха, женщина», *babina*, *babizna* «наследство после бабки», чешский – *baba*, *babička*, словенский – *baba* «бабка», «акушерка», сербский – *bäba* «бабка», «кормилица» [2: 99].

Главное значение славянского *baba*: «бабка, мать отца или матери». Впрочем, слово имеет издавна тенденцию к расширению значения, сравните значение «баба, жена, замужняя женщина» во всех славянских языках. Отмечаются случаи переноса на неодушевленные предметы, на животных, – явление, известное и некоторым другим названиям родства.

В современном русском языке популярна производная форма «бабушка». Данная номинация выражается значениями: 1) мать отца и матери; 2) обращение к старой женщине (прост.). Бабушка надвое сказала (разг.)- неизвестно, будет или нет [3: 23].

При анализе этимологии лексемы «*die Grossmutter*», следует обратить внима-

ние на ее образование. Элемент *gross* западногерманского происхождения и в средневерхненемецком означал «большой».

Лексема «*die Grossmutter*» заимствована из французского языка: *grand-mere* – предок внуков, а в переводе с латинского «*altes Weib*»- «пожилая женщина» [4: 257].

Отметим, что в немецком языке лексема «*die Grossmutter*» имеет синоним «*die Oma*». Данное слово появилось в языке в 19 веке и означало в детской речи «старая мама», «большая мама» [4: 498].

В современном немецком языке эти лексемы употребляются в значениях: 1) мать отца или матери: *Wir fahren zur Oma*; 2) обращение к пожилой женщине: *alte, ältere Frau*; 3) пожилая женщина [5: 1235].

Но в разговорном немецком языке лексемы «*die Grossmutter*» и «*die Oma*» имеют дополнительные дефиниции. Так «*die Grossmutter*» обозначает «*смапууку*», «*мамауу*»: *das kannst du deiner Grossmutter erzählen*- расскажи это своей бабушке!, так я тебе и поверил! [13: 272]. «*Die Oma*»- «бабушка», «баба, бабуся, бабуля», «старая женщина»: *die Kinder besuchen ihre Oma* [13: 533].

Итак, лексические единицы «бабушка» и «*die Grossmutter*» тождественны в значениях «мать отца или матери», «обращение к старой женщине», а различны в значении «пожилая женщина».

Обозначим, что выражение возрастающих степеней родства в русском и немецком языках выражается префиксами *pra-* и *ur-*: русский *прабабушка*, немецкий *die Urgrossmutter*; русский *правнучка*, немецкий *die Urenkelin*. Приставка *pra-* в современном русском языке образует существительные со значением первоначальный, наиболее древний [3: 564]. В немецком языке префикс «*ur*» указывает на первых представителей рода [4: 1773]. Подобное сходство в дефинициях дает основание полагать, что значения этих лексем в обоих языках совпадают.

Таким образом, суммируя концепцию лексического значения в рамках сопоставительного подхода к языку, следует отметить, что этносемантика дает не просто словесное толкование материальных предметов, а рассматривает их в социальном бытовании и отношении к тем, кем они созданы, и кто ими пользуется, ведь язык скрепляя этническую общность, одновременно является выразителем этноса.

Примечания:

1. Агаев А.Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968. С. 124-138.
2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. СПб.: Terra-Азбука, 1996.
3. Ушаков Д.И. Большой толковый словарь современного русского языка. М.: Альта-Принт, 2005. 1239 с.
4. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2 völlig neue Bearb. u. Erw. / Aufl. von G. Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Bd. 7. 844 S.
5. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien, 2007. 1379 S.
6. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910. 1562 S.
7. Meillet A. Les dialects indoeuropeens. Paris, 1922. 370 p.
8. Meillet A. Les origins du vocabulaire slave. RES, 1925. Vol. 5. 735 p.
9. Kurylowicz J. Accentuation des langues indoeuropeennes. Krakow, 1952. 382 p.
10. Mikkola J.J. Urslavische Grammatik. Teil 1. Heidelberg, 1913; Teil 2. Heidelberg, 1942; Teil 3. Heidelberg, 1950. 2856 S.
11. Sandfeld K. Linguistique balkanique. Paris, 1930. 950 p.
12. Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891. 1263 S.
13. Девкин В.Д. Немецко-русский словарь разговорной лексики. М.: Рус. яз., 1994. 1785 с.

References:

1. Agaev A.G. The functions of the language as an ethnic factor // Language and society. M., 1968. P. 124-138.
2. Fasmer M. The etymological dictionary of the Russian language: in 4 vol. SPb.: Terra-Azbuka, 1996.
3. Ushakov D.N. The Large Explanatory Dictionary of the modern Russian language. M.: Alta-Print, 2005. 1239 pp.
4. Duden C. Etymologie: Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. 2 völlig neue Bearb. u. Erw. / Aufl. von G. Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1989. Bd. 7. 844 S.
5. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim; Leipzig; Wien, 2007. 1379 S.
6. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Heidelberg, 1910. 1562 S.
7. Meillet A. Les dialects indoeuropeens. Paris, 1922. 370 p.
8. Meillet A. Les origins du vocabulaire slave. RES, 1925. Vol. 5. 735 p.
9. Kurylowicz J. Accentuation des langues indoeuropeennes. Krakow, 1952. 382 p.
10. Mikkola J.J. Urslavische Grammatik. Teil 1. Heidelberg, 1913; Teil 2. Heidelberg, 1942; Teil 3. Heidelberg, 1950. 2856 S.
11. Sandfeld K. Linguistique balkanique. Paris, 1930. 950 p.
12. Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanesischen Sprache. Strassburg, 1891. 1263 S.
13. Devkin V.D. German-Russian dictionary of colloquial words. M.: Rus. yaz., 1994. 1785 pp.